

Этьен Балибар

ВОЛНЕНИЯ В *BANLIEUES*¹

Если я и обращаюсь здесь к событиям ноября 2005 года, которые имели место на периферии французских городов, то я делаю это не как «эксперт» по городскому насилию или социологии французского *banlieue*, а потому, что, как французский гражданин, я чувствую себя обязанным как можно лучше разъяснить, что я думаю о событиях, которые напрямую влияют на наше настоящее и наше политическое будущее. Немало поездив по миру в качестве преподавателя, я пришел к убеждению в важности сравнения и диалога как инструментов понимания мира, в котором мы живем. Это не означает отказа от полевых исследований. Но я попытаюсь на основе доступных мне сведений предложить не менее важное отстраненное рассмотрение, прежде всего, слов и понятий, используемых нами для описания произошедшего. Дабы сохранить возможность исправления и уточнения, соображения, излагаемые мною здесь, принимают форму ряда «файлов», связанных с семью симптоматическими *словами* или *речевыми оборотами*: именование, насилие, постколония, религия, раса и класс, гражданство/Республика и политика/антиполитика. Они образуют последовательность, хотя ее и нельзя назвать аргументацией в собственном смысле слова. У меня нет какой-то идеи, которую я собираюсь отстаивать. Я рассматриваю гипотезы или наилучший способ формулирования их.

1. ИМЕНОВАНИЕ

Джеймс Чандлер, специалист по «городской сцене» романтической эпохи и директор Института им. Фрэнков при Чикагском университете, посоветовал мне сделать название этой статьи двуязычным, как я и поступил. Каждое слово в нем проблематично, и это становится очевидно, когда мы расширяем ряд и ищем эквиваленты в другом контексте. Это вопрос столкновения гетерогенных восприятия ситуации, которые явно возникают из различных, если не антагонистических, идеологических предпосылок.

Естественным эквивалентом «волнений» во французском языке было бы *soulèvement*. Едва ли кто-то во Франции говорил о *soulèvement* применительно

1. Étienne Balibar, «Uprisings in the *Banlieues*», *Constellations*, 2007, vol. 14, no. 1, p. 47–71.

к событиям ноября 2005 года, по крайней мере публично: гранича с *восстанием*, этот термин явно отсылает к революционной традиции («народ восстал против его угнетателей») и кажется здесь неуместным или преувеличенным². Французская пресса колебалась между идеей *révolte* (бунта) и *émeute* (смуты). Иногда это был вопрос *guérilla*, особенно при описании столкновений между молодежными «бандами» и спецподразделениями полиции (CRS, VAS). Или, в явно более нейтральном ключе (но явно только в контексте осуждения «незащищенности»), *violences*. Молодых, поджигавших машины демонстрантов, противостоявших полиции и иногда преследовавшихся ею, иногда называли *rebelles*, а иногда *casseurs* [хулиганами] и «dealers» (и тем самым переводили в регистр *делинквентности*). Нерешенным остается не только вопрос намерений и последствий, но также более важный вопрос логики — политической или, наоборот, преступной, если исходить из того, что между ними существует противоречие в контексте радикального социального и символического исключения. Некоторые наблюдатели поддались соблазну рассмотрения бунтов или волнений во французских городах и пригородах не только как иллюстрации последствий *иллегализма*, но также как возрождения в «постполитическую» (и постдемократическую, постколониальную, постнациональную) эпоху архаической фигуры «бандита»³, которую многие историки считают особенностью «дополитической эпохи», повторяющегося социального кризиса, предшествующего (и в каком-то смысле объясняющего) формированию современного государства и его (национальной) монополии на легитимное насилие.

Термин *banlieue* ставит совершенно иные проблемы. Мы не можем считать его эквивалентом американского «пригорода [*suburb*]» (от латинского *suburbia*, больше соответствующего *faubourgs* и отсылающего, скорее, к богатству или преуспеванию), как об этом говорят словари. Вследствие инвертированной логики городского устройства социологическим эквивалентом могут служить, скорее, бедные районы в центральной части города (*inner cities*). Давние дебаты о причинах исключения и взаимосвязи социального и расового исключения в европейском и американском обществе едва ли не заставляют нас проводить аналогию между *banlieue* и гетто. Принимая во внимание важность постколониального измерения и воспроизводства своеобразного *апартеида* в Европе на уровне гражданства, которое «обособляет» население

2. Единственное исключение составляет специальный выпуск *Lignes* 19 (Feb. 2006), «Le soulèvement des banlieues».
3. В своей пронизательной небольшой работе (Mehdi Belhaj Kacem, *La psychose française. Les banlieues: le ban de la République*, Paris: Gallimard, 2006) Мехди Белхай Касим, отталкиваясь от идей Агамбена (Giorgio Agamben, *Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life*, Stanford: Stanford University Press, 1998), последовательно обыгрывает общую этимологию производных от «*ban*» (старое средневековое образование, имеющее индоевропейские корни, которое объединяет противоположности: помещение вместе и помещение вне закона): изгнания и ссылки (*ban-nissement*, *ban-ni*), но также бан (-) дита и *ban-lieu*. Этимологическое происхождение «*banlieue*» из «*ban-lieu*» — место изгнания и ссылки — показано в: Jean-Marc Stébé, *La crise des banlieues*, Paris: PUF, Que-sais-je, 1999.

иммигрантского происхождения, я бы предложил использовать в качестве эквивалента *townships*, в том смысле, который этот термин имел (и имеет) в Южной Африке⁴. Но, возможно, в основе всего этого лежит специфически французская реальность: важно подчеркнуть, что в нашем нынешнем употреблении *banlieue* означает не только конфликтную, расколотую реальность, но и *близость противоположностей*. Эта мысль имеет большое политическое значение. Ибо *banlieues banlieues* рознь, так как, несмотря на географическую близость друг к другу, они разделены социальной пропастью и постоянным антагонизмом (который подпитывает политику территориального управления и муниципальной и локальной борьбы за власть): одни из них богаты, даже очень богаты (Николя Саркози принадлежит к одному из них, Нейи-сюр-Сен, и сделал его своим «феодом» и «витриной»); другие служат символами бедности, несостоятельности государственных служб, ссылки этнических меньшинств и бедных белых, безработицы и стигматизации, а также «межобщинных» противоречий. Во многих отношениях, даже если бы волнения перекинулись на другие городские районы (особенно за пределами Парижа), наиболее важным оставалось бы именно это столкновение внутри *banlieue*, между этими двумя мирами, которые они вмещают. Мало того что непризнанные границы отделяют один вид *banlieue* от другого; «*banlieue*» как таковой представляет собой фронт, пограничную область и линию фронта. Он образует периферию в самом центре крупных городских районов. Он материализует то, что я в другом месте назвал смещением фронтиров к центру⁵.

И все же, при всей своей показательности, эта семантика французского *banlieue* не вполне удовлетворительна. Она скрывает два других измерения, которые грубо сочетают локальное и глобальное и являются характерными для современного мира. С одной стороны, мы должны спуститься на более низкий уровень: конкретно (автомобили, общественные здания) и метафорически (вспышка недовольства) «пылал» не муниципалитет, а *cit * или *quartier* (микрорайон или район), вроде «Сите де Боскет» в Монтфермее или «Сите дю Валь-Фурре» в Мант-ля-Жоли... Именно *cit * с его историей и его солидарностью является «предметом» насилия, объявляемым молодыми бунтарями местом происхождения, стигматизируемым политиками, полицией и предпринимателями и избираемым «целью» социальной политики и областью для полицейских «облав». В этом отношении полезным может оказаться сравнение с «гетто», принимая во внимание необходимые уточнения каса-

4. В ЮАР словом *township* принято называть бедные пригороды и трущобы, населенные преимущественно чернокожими жителями. — *Прим. перев.*

5. Конечно, это противопоставление отмечает крайние члены социологической и политической полярности: *banlieues*, особенно вокруг Парижа, имеют различный состав и уровни жизни. Не нужно забывать, что их важной задачей является обеспечение определенного культурного досуга (с помощью театров и культурных центров) за счет города. И не случайно, что представители «народных» *banlieues* с различным населением («*cit s*», муниципальное жилье, стабильный рабочий класс, государственные служащие...), вроде Сен-Дени или Обервилье, оказали определенное политическое сопротивление чрезвычайному положению, введенному правительством во время этих «событий» с целью разрешения возникшего кризиса.

тельно степени и истории⁶. Но, с другой стороны, по крайней мере во французском контексте, именно эти геттоизированные (и внутри *banlieues cités*, созданные для сдерживания и изоляции гетерогенного населения) в точности соответствуют тому, что Саския Сассен назвала «глобальными городами»⁷. Нам следует говорить о глобальных *banlieues*, демографический состав и развитие которых отражают противоречия глобализации и их местные проявления. Это также объясняет кажущийся, на первый взгляд, несоразмерным отклик на эти события за пределами Франции: по всей видимости, они иллюстрируют тип бунта, возможно, борьбы, которая приобретает транснациональный охват, — «бунта исключенных», если не «молекулярной гражданской войны», задающего горизонт «великой миграции»⁸.

2. НАСИЛИЕ

Тем не менее нужно вернуться к характеристике «насилия», которое имело место в ноябре 2005 года, поскольку этот термин, используемый теперь постоянно (принято говорить, что мы живем в эпоху роста насилия и незащищенности), употребляется крайне избирательно и никогда не нейтрально. Нельзя обойти вниманием целый ряд проблем, связанных с уровнем и формами насилия, которые крайне важны для понимания политического значения того, что заставило французские *banlieues* «восстать». И если нет никаких сомнений в том, что это было политическое событие, все же не ясно, что это был случай (коллективного) политического *действия*. Кто были его участниками? Кто или что было их целью? С какими намерениями и — возможно, совершенно иными — последствиями они действовали? В какой степени это насилие служит симптомом или даже отражением функционирования французской политической системы?

Прежде всего, необходимо задать вопрос, было ли это насилие стихийным или, наоборот, спровоцированным и даже сознательно спланированным. Безусловно, по признанию многих, местный материал был очень взрывоопасным, и предпосылки для нового взрыва (по образцу 1982 года в предместьях Лиона, 1990 года в Воль-эн-Велин, 1991 года в Мант-ля-Жоли и т. д.) существовали давно. И правительству было хорошо об этом известно. Настолько хорошо, что, наблюдая за развитием волнений (начало и продолжение известного сценария вандализма неуучающейся и неработающей молодежи) после «вызова», брошенного министром внутренних дел, и трагического исхода облавы, в общем-то, типичного для повседневной работы

6. См.: Loïc Wacquant, *Parias urbains. Ghetto, Banlieues, Etat*, Paris: La Découverte, 2006, откуда я заимствую «институциональные» критерии для определения и сравнения пространств «городской маргинальности», вступая в спор с некоторыми из его суждений. Ср. также: Loïc Wacquant, «Roots of the Riots in the French City»: http://webcast.berkeley.edu:8080/ramgen/events/igs/french_riots.rm

7. Saskia Sassen, *The Global City: New York, London, Tokyo*, Princeton: Princeton University Press, 1991.

8. Hans-Magnus Enzensberger, *Civil Wars: From LA to Bosnia*, New York: New Press, 1994.

полиции, нам нужно задаться вопросом, не стремилось ли оно на самом деле создать этот эпизод «преступного» насилия, чтобы повысить собственную легитимность и усилить пропаганду закона и порядка⁹.

Говоря о «правительстве», не будем забывать, что его тогда раздирала непримиримая борьба между двумя его главами, премьер-министром де Вильпенем и министром внутренних дел Саркози. Каждый из них имел свою «стратегию», частично направленную против другого, но совпадающую в том, что касалось провокаций. Стратегия «Вильпена» была пародией гражданской войны; ее очевидной (и смешной) кульминацией было провозглашение чрезвычайного положения на основании закона, принятого во времена войны в Алжире (1955) и использованного до этого лишь однажды (в 1984 году во время неокOLONиальных столкновений в Новой Каледонии)¹⁰. Здесь обращение к нелегитимному насилию, связанному с фигурой внутреннего/внешнего врага (в частности, облегчение депортаций), использовалось для того, чтобы инсценировать видимость восстановления государственной власти и «монополии на легитимное насилие». Очевидно,

9. Напомним, как развивались события: 20 июня 2005 года, на следующий день после гибели от двух шальных пуль в «*Cité des 4000*» в Ля Курнев маленького мальчика, министр внутренних дел Саркози появился в *cité* (в окружении многочисленного полицейского эскорта) и, выступая на улице перед местными жителями, заявил о своем намерении «очистить» (*nettoyer au Kärcher*) район от насилия и преступности. 25 октября тот же министр в Аржантее объявил о плане возрождения *banlieues* и, ошвытывая местной молодежью, снова пригрозил разобраться с «мерзавцами» (*voyous*) и «швалью» (*racaille*—одно из слов, иногда используемых в качестве иронического самоназвания молодежными бандами из *banlieues*). 27 октября полиция устроила погоню за тремя подростками, по ошибке принятыми за воров, которые спрятались в трансформаторной будке в Клиши-су-Буа, где полиция и оставила их. Двое из них, Буна Траоре и Зайед Бенна, подростки 15 и 17 лет, погибли от удара током, а третий был серьезно ранен. После сообщения об этом в новостях сотни молодых людей стали поджигать машины и магазины в Клиши, положив начало череде (преимущественно ночных) волнений, которые продлились три недели и постепенно распространились из *banlieues* и *cités* почти по всей Франции. Полиция и правительство продолжали настаивать на том, что у них есть доказательства того, что они имели дело с преступниками и что они не знали, что подростки находились в смертельной опасности. К настоящему времени внутреннее полицейское расследование установило, что информация, распространявшаяся тогда правительством, была полностью ложной. В то же время власти так и не рассказали правду, а за серьезные преступления полиции никто так и не понес наказания. См.: Hugues Lagrange, «Autopsie d'une vague d'émeutes», in *Émeutes urbaines et protestations. Une singularité française*, ed. Lagrange and Marco Oberti, Paris: Presses de Sciences Po, 2006. См. также специальный выпуск: *Mouvements*, «Émeutes, et après?», 44 (March-April 2006).
10. Принятый Национальным собранием 8 ноября 2005 года по запросу премьер-министра при поддержке депутатов от социалистов закон позволял объявить чрезвычайное положение в ряде городов и районов по запросу мэров и был продлен на три месяца 18 ноября (без поддержки социалистов). На основании принятого закона было произведено множество арестов, проведено немало упрощенных судебных слушаний и вынесено приговоров (2787 с 28 октября по 15 ноября). Тем не менее многие мэры от всех партий называли закон бесполезным и не стали использовать предоставленные им полномочия. См.: Evelyne Sire-Marini, «L'état d'urgence, rupture de l'Etat de droit ou continuité des procédures d'exception», *Mouvements* 44.

что это опасная игра, с одной стороны, легко высмеиваемая, а с другой — столь же легко ускользающая из-под контроля тех, кто ее начал... Стратегия «Саркози», которая была продолжением борьбы против нелегальной иммиграции, запомнилась, прежде всего, «неуместными» заявлениями министра внутренних дел: грубые оскорбления и непрестанные апелляции к расистским настроениям белых бедняков. Это также способствовало усугублению насилия, позволяя затем прославиться борьбой с ним, но с акцентом на других вещах, а именно — на «реализме» и даже «ответственности». И все тот же министр во все той же «мачистской» манере преподносил себя в качестве автора решения проблемы этнического разнообразия и религиозной нетерпимости, признав факт мультикультурализма, избрав известных мусульман в качестве собеседников и посредников и попытавшись настроить родителей против своих детей во имя защиты власти и общественного порядка.

Но, отметив элемент провокации и расчета, который играл немаловажную роль в развитии событий, нужно вернуться к более глубокой и определяющей реальности: локальному насилию отношений между полицией и «молодежью из *banlieues*» (которая сама по себе является стереотипной категорией, включающей расовые стигматизации: чернокожие и арабы, хотя и не только они одни). Это насилие, иногда сравниваемое с «войной» или с «городской партизанской войной», представляет собой полиморфный феномен, включающий наиболее очевидный факт *состояния насилия*, в котором живет население превращенных в гетто городов, его обусловленность структурными причинами, вроде стремительного вырождения городской среды и коммунального обслуживания, массовой и долгосрочной безработицы, этнической и географической стигматизации (быть «из Севрана» или даже «из 93-го» [Сен-Дени, северо-восток Парижа] — значит не иметь возможности получить работу, признание и социальную мобильность), преступности (включая наркоторговлю), в которой принимают участие и от которой сами же страдают местные жители. Проведенные исследования убедительно показали, что поведение полиции в *banlieues* по отношению к жителям, которых она преследует и которые ее провоцируют или оказывают ей сопротивление, содержит в себе подражательное измерение. В крайних случаях полиция действует подобно бандам, воюющим с другими бандами, старательно демонстрируя свою мужественность — разница в том, что они вооружены и отправлены государством на враждебную территорию и что их собственное несоразмерное насилие (оскорбления, избиения, перестрелки, аресты, задержания, угрозы) вписывается в более широкий процесс запугивания, обработки и преследования легальных и нелегальных иммигрантов¹¹. Здесь *грубость*, часто называемую бичом общества, проявляют по большей части государство и его представители. Это сочетание социальных страданий¹²

11. См.: Sophie Body-Gendrot and Catherine Wihtol de Wenden, *Police et discriminations raciales. Le tabou français*, Paris: Editions de l'Atelier/Editions Ouvrières, 2003; Fabien Jobard, «Sociologie politique de la „racaille“», in *Émeutes urbaines et protestations*.

12. См.: E. Renault, *L'expérience de l'injustice*, Paris: La Découverte, 2004.

и инструментализации ценностей правопорядка, эта тенденциозная замена *социального и экономического юридического*, это извращение понятия «правовых норм» объясняет еще один важный аспект ситуации в *banlieues*, который никогда не следует упускать из виду: сопротивление семей, солидарных с детьми, несмотря на постоянные обращения к ним с призывами осудить детей¹³ и деятельность ассоциаций, представителей городских властей и учителей — или кого-то из них. Насилие не составляет всей жизни в *banlieue*, или, точнее, *banlieue* создает свои формы борьбы с насилием, отличные от полицейских репрессий.

Наконец, в развитии насилия в *banlieues* поражает парадоксальное и запутанное сочетание противоречивых определений. Это насилие нередко называют отчасти *саморазрушительным*. Людей спрашивают более или менее прямо: почему «они» жгут автомобили своих соседей и родителей, «свои» школы или школы своих младших братьев и сестер, «свои» спортивные сооружения, «свои» средства транспорта? И идеи исключения и отчаяния сочетаются с идеями нигилизма и деперсонализации. Здесь важно быть точными в терминах. Объектом разрушения во многом служат «вещи», которые противоречивым образом *исключены* для молодых бунтарей, считавшихся «негражданами», к которым они имеют лишь ограниченный, нелегитимный доступ, но частью которых они сами являются, составляя в каком-то смысле часть их самих и их идентичности. Именно поэтому нельзя говорить, что они находятся целиком вне или целиком внутри социальной системы; они пребывают в парадоксальном состоянии *внутреннего исключения*, которое неизбежно оставляет свой след на самых глубоких уровнях субъективности. Здесь мы сталкиваемся с идеей *перманентного чрезвычайного положения*, предложенной Джорджо Агамбеном на основе его размышлений о предельных ситуациях, когда закон перестает действовать¹⁴. Во всяком случае, эта модель кажется более уместной, чем модель «нигилистического насилия», предложенная Энценсбергером, или даже «безадресного насилия», предложенная Бертраном Ожилви, в отношении проявлений крайнего насилия в наших обществах, которое выходит за рамки схемы целей и средств, лежащей в основе нашего понимания рациональности¹⁵. Вместо отрицания всего или распада любых политических целей, которые могут быть представлены или выражены «рационально», здесь, скорее, имеет место насилие *в поиске* целей и противников, которое принимает противоречивую, амбивалентную форму. Это подтверждается в том, как институты — государственные, муниципальные или институты «гражданского общества» как комплекса общественного мнения и сетей принадлежности — реагируют на насилие, направленное против городской среды: они сами вызывают чувство недовольства, ненависти или страха, но все эти модальности страсти сверхде-

13. Иногда с использованием угроз: прекращение выплаты пособий многодетным семьям в случае с «неблагополучными» родителями.

14. Giorgio Agamben, *State of Exception*, Chicago: University of Chicago Press, 2005.

15. См.: Bertrand Ogilvie, «Violence et représentation. La production de l'homme jetable», *Lignes* 26, October 1995.

терминированы ощущением, что мы имеем дело не с изолированной угрозой, а, напротив, с выражением становления или проявлением нашей сущности (и это вызывает еще большее беспокойство). Я вернусь к этой мысли в заключении.

На основе этой глубокой амбивалентности мы можем попытаться выделить другие поразительные черты насилия ноября 2005 года. Прежде всего, его сравнительную ограниченность. Не утверждая, что оно подчинялось внутреннему контролю (так как для этого нужна определенная степень организации и продуманности, которая явно отсутствовала)¹⁶, необходимо отметить, что, в сравнении с другими, часто вспоминаемыми в этой связи «историческими» эпизодами (брикстонские волнения в Лондоне в 1981 году и, прежде всего, беспорядки в Уоттсе и Южном Централе Лос-Анджелеса в 1965 и 1992 годах), и вопреки телевизионным репортажам, это *необычайно зрелищное* насилие оставалось сравнительно ограниченным с точки зрения разрушений и жертв: трое погибших (включая двух подростков, случайное убийство которых и вызвало волнения), но почти полное отсутствие нападений на людей. Вместо этого уничтожались потребительские товары и символические места (не следует забывать, что автомобили и автобусы периодически подвергаются нападениям в рамках структуры генерализованного насилия, о котором говорилось выше). Но этот зрелищный характер ни в коей мере нельзя считать второстепенным; зрелищность знаменует собой наступление новой эпохи, когда средства массовой информации начинают играть роль *пассивных организаторов* социальных движений. Вскоре после начала волнений между *cités*, городами и регионами¹⁷ развернулось настоящее «национальное первенство» за появление на французских и даже международных телеканалах с самыми впечатляющими сценами «гражданской войны». Трудно сказать, «кто кого использовал» в ходе этого в рамках реального и виртуального¹⁸. Но это «виртуальное насилие» *превращает* реальное, локальное социальное насилие, на которое оно отвечает, в *зрелище*, вследствие чего оно становится *зримым* в своих ярких и *незримым* в своих будничных проявлениях. Оно выражает отчаянное стремление к утверждению не столько «дела» или «проекта», сколько *существования*, которое постоянно забывается или отрицается окружающим обществом, используя средства, которые определяют восприятие реальности в современном обществе (ничто не обладает признанным существованием, если оно не репрезентируется, воспроизводится СМИ). Но эти средства — палка о двух концах, так как они обращаются

16. Многие описания все же настаивали на том, что, исходя из скорости распространения поджогов, целью бунтарей было «обращение полиции в бегство» (и одурачивание ее), а не прямое столкновение с ней». См.: A. Bertho, «Nous n'avons vu que des ombres», *Mouvements* 44.

17. За примечательным исключением западных городов и Марселя, хотя считалось, что уровень социальной и этнической напряженности в них был высоким.

18. CNN отправил одного из своих репортеров-звезд Кристиану Аманпур, специализирующуюся на рискованных репортажах из Ирака и других «горячих точек», в Сену-Сен-Дени, чтобы давать комментарии на фоне пылающих автомобилей и уличных боев с полицией, словно дело было в Багдаде...

против тех, кто использует их, навязывая им определенную идентичность. В этом отношении обращение к сартровским понятиям «практико-инертного» и «краденой практике» столь же полезно, как и обращение к идее «общества зрелища» Дебора или «гиперреальности» Бодрийера.

3. ПОСТКОЛОНИЯ

В соответствии с планом, я теперь должен обратиться к этому термину, который радикализирует понятие «постколониального» периода или культуры, популяризованному работой африканского философа Ахилле Мбембе¹⁹. Необходимость соединения внутреннего восприятия событий, разворачивающихся на французской сцене, позволяющего исправить исторические и институциональные искажения отстраненных наблюдателей, с критической отстраненностью, взглядом извне и международной точкой зрения, очевидна. В этом случае также важно найти «коды» для интерпретации типичного короткого замыкания между местными определениями и участниками, с одной стороны, и «глобальными» значениями, о которых я говорил выше, — с другой.

Но прежде чем перейти к работе Мбембе, кажется полезным обратиться к двум другим, довольно свежим работам, которые также пытаются изменить нашу точку зрения и во многом дополняют позицию Мбембе. Прежде всего, речь идет об Иммануиле Валлерстайне и его статье «Французские беспорядки: восстание низов»²⁰. Валлерстайн считает беспорядки во Франции типичным феноменом, неизбежно возникающим в результате сочетания расизма и бедности на «перифериях» мир-экономики (*banlieues* воспроизводят такие «периферии» в самом «центре»), где современная политика капитализма порождает растущую социальную поляризацию. Причина, по которой мы не видим беспорядки повсеместно и постоянно, кроется в бдительности доминирующих классов и превентивных репрессий, используемых ими, прежде всего, против молодежи, которой «нечего терять», так как она страдает от безысходности и потому, с высокой степенью вероятности, открыто бросит вызов сложившемуся порядку. Если и существует какая-то французская специфика, то она обусловлена парадоксальным сочетанием этих двух факторов. С одной стороны, на протяжении многих веков Франция является *страной иммиграции*, население которой росло в результате последовательного притока иммигрантов — в прошлом из других стран Европы, а сегодня — со всего мира и особенно из бывших колоний. С другой стороны, Франция, политическая система которой всегда черпала свою

19. Парадокс в том, что Мбембе, который сначала опубликовал свою книгу (Achille Mbembe, *On the Postcolony*, Berkeley: University of California Press, 2001) по-французски в 2000 году (в 2005 году вышло переиздание), оставался незамеченным во Франции, пока английский перевод не стал предметом жаркой дискуссии в американских университетах.

20. Immanuel Wallerstein, «The French Riots: Rebellion of the Underclass», *Commentary* No. 174, Dec. 1, 2005 (<http://www.binghamton.edu/fbc/174en.htm>).

легитимность из «революции прав человека», считает себя страной универсальных ценностей, где дискриминация как таковая немислима. Хотя эти черты в идеале могут привести к изобретению формы мультикультурализма, отвечающих вызовам современного мира, они, напротив, порождают поразительную слепоту к своей собственной истории и социальным противоречиям, а также неспособность поставить под сомнение основополагающие мифы якобинства и государственного атеизма (как показали недавно известные споры о хиджабе). Но в этих вопросах нет никакой симметрии, поскольку, как справедливо отмечает Валлерстайн, притязания религиозных идентичностей и конфликты между политико-религиозными привязанностями (например, связанных с противостоянием Палестины и Израиля) не играли практически никакой роли в волнениях в *banlieues*. «Французский бунт был стихийным классовым восстанием» — вывод, который явно свидетельствует о сделанном им выборе.

Этот выбор ставится под сомнение Радой Ивекович в ряде статей, в которых она рассматривает волнения ноября 2005 года, прежде всего, как возвращение «колониального бумеранга»²¹. Ее наблюдения пронизаны глубоким разочарованием во французском универсализме, реальность которого оказывается, с ее точки зрения, покрытой «провинциализмом», в котором ностальгия по имперскому господству и иллюзии относительно наследия Просвещения (в каком-то смысле врожденные) исключают возможность самокритики или анализа социальных и культурных вопросов, поставленных кончиной колониализма. В отличие от Германии, которая, по крайней мере в принципе, признала свою историю национализма и антисемитизма, чтобы понять истоки нацизма, официальная Франция на самом деле никогда не собиралась возвращаться к истории колониализма, его интеллектуальным истокам и его наследию. Так, Ивекович подчеркивает упорное сопротивление, идеологическое и институциональное, французского университетского и интеллектуального класса рассмотрению постколониальной проблематики, обсуждаемой теперь в других местах, особенно в двух противоположных концах англоязычного мира, Индии и Соединенных Штатах, где получили развитие «исследования подчиненных [*subaltern studies*]». Она видит в этом следствие, прежде всего, французской иллюзии говорения на языке, который притязает на внутреннюю универсальность, но на деле остается глубоко пронизанным историческим партикуляризмом и европоцентричным патернализмом.

Поразительно, что основная проблема, которая (справедливо) занимает Ивекович в интерпретации волнений в *banlieues* — а именно внутреннее (и ни в коей мере не «второстепенное») политическое противоречие, которое содержится в них, когда они сочетают восстание против стигматизации

21. См., напр.: Rada Ivekovic, «Le retour du politique oublié par les banlieues», *Lignes* 19 (Feb. 2006). Индолог и феминистский философ югославского происхождения, живущий и преподающий преимущественно во Франции после начала балканских войн, Ивекович является автором нашумевшей книги: Ivekovic, *Le sexe de la nation*, Paris: Leo Scheer, 2003.

культур «туземного» происхождения в бывшей метрополии с традиционалистской реакцией, кристаллизующейся, прежде всего, в области гендерных отношений, — заставляет ее видеть французскую специфику, которая плохо вписывается в такую однобокую картину. Сама Ивекевич подчеркивает, что группы молодых бунтарей, вступавших в столкновения с полицией, объединяет грубая «мачистская» культура, одним из проявлений которой служит рэп²². И она отмечает, что Франция служила площадкой одного из самых значительных недавних феминистских движений, в том числе в *banlieues*: протеста девочек и девушек (организованного ассоциацией «*Ni putes ni soumises*» [«Не шлюхи и не рабыни»]) против сексуального угнетения и насилия со стороны молодых мужчин, стремящихся ограничить сексуальную свободу женщин и извлечь из этого пользу для самих себя; и они также часто восстают против окружающего расизма. Таким образом, следует предположить, что, несмотря на свой давний провинциализм, сцена французских *banlieues* отражает острейшее противоречие, пронизывающее всю «постколониальную» культуру, а именно конфликт между утверждением идентичности иммигрантов и их потомков против институционального расизма и их собственным репрессивным насилием против женщин, зависимых *par excellence*²³. Как и везде, во Франции этот конфликт используется господствующей культурой, которая старательно преподносит себя в качестве «защитницы женщин» и стигматизирует сексизм «цветных» и «выходцев с Востока», лицемерно скрывая сексуальное неравенство западного общества. Но меньше, чем где бы то ни было, возможно, вследствие латентных подрывных возможностей универсалистского дискурса, это можно свести к манихейскому выбору между делом «туземцев» и делом «освобождения женщин».

Ахилле Мбембе включился в дебаты о насилии в *banlieues* с двумя статьями, выложенными в Интернете: «Республика и чудовище: о волнениях в *banlieues* Франции» и «Фигуры множественного: способна ли Франция заново изобрести свою идентичность?»²⁴ Темное «чудовище», о котором говорит Мбембе, — это раса, которая не только служит объектом диффузного институционального расизма, время от времени вспоминаемого политическими демагогами, но и *воспроизводства* — после провозглашения независимости и реколонизации, прикрываемой «общностью» интересов Франции и ее бывших африканских колоний, — *социального механизма дискриминации и разделения* людей на неравные «виды», включающего оба конца миграционной цепи (Францию и черную Африку). Как и Валлерстайн, Мбембе отмечает

22. Амбивалентность культуры «рэпа», сочетающей в себе язык бунта и провоцирования репрессивного аппарата с сексистским «кодом» (который, однако, может использоваться иронично), представляет одну из интерпретативных трудностей, связанных с событиями ноября 2005 года. Она встретила отклик даже на страницах *New York Times* в редакционной статье: David Brooks, «Gangsta, in French», *New York Times*, November 10, 2005.

23. См., в частности, работы Гаятри Спивак.

24. Achille Mbembe, «La République et sa Bête. A propos des émeutes dans les banlieues de France», <http://www.icicemac.com>, Nov. 7, 2005; «Figures du Multiple. La France peut-elle réinventer son identité», multitudes.samizdat.net, Nov. 24, 2005.

социально неравный характер глобализации и, подобно Ивекович, подчеркивает репрессивное влияние колониальной истории, мешающей французскому обществу понять, с чем же оно на самом деле столкнулось в этой вспышке городского насилия. Но он выдвигает еще одну идею: между государственным расизмом внутри страны и французской неоколониальной политикой в африканских странах, которые по-прежнему зависят от бывшей империи (при участии коррумпированной буржуазии и военных), — то, что он эмоционально называет «географией позора», — существует корреляция и постоянное взаимодействие. Так, по сути, мы наблюдаем возрождение *Code de l'Indigénat* (Туземного кодекса), который некогда закреплял подчинение колониальных народов, в виде «исключительных законов», развития «карательного государства»²⁵ и квазивоенных методов, применяемых полицией и государственными властями при работе с *banlieues*, населенными выходцами из бывших колоний. Они воспроизводят «расовую войну» и вписывают ее в глобальный контекст между «цивилизациями» Севера и Юга, основываясь на французской колониальной традиции, административные привычки которой так и не были изжиты²⁶.

Мбембе, как и Ивекович, критикует слепоту и глухоту французского истеблишмента (включая значительную часть его интеллектуалов) к постколониальной критике идеологических функций универсализма²⁷. Но вместо вывода о необходимости преодоления этого универсализма как такового, он показывает, что суть состоит в открытом противоречии в нем самом («универсальное гражданство и радикальное неравенство не могут сосуществовать с практикой государственного расизма»). Поэтому необходимо «мыслить по ту сторону расы» вслед за мыслителями негритюда (такими как Сенгор, Сезэр и — сегодня — Глиссан), которые произвели критическое возвращение к универсализму, чтобы открыть «переход к космополитизму», столкнуть *французскую республиканскую идеологию* с ее собственными демократическими требованиями, исключив возможность увливания. Это также задача самих «туземцев»: насилие без политических целей (кроме выражения недовольства) «нежизнеспособно». Франции нужно создать новое, ненасилиственное «движение за гражданские права», вдохновляющееся американскими и южноафриканскими примерами, и одновременно работать над созданием «метисных» или «креольских» интеллектуалов и политического «здорового смысла», отстаиваемого ими. «Это предполагает появление генерации французских интеллектуалов всех рас, рассматривающих француз-

25. Это словосочетание заимствовано из статьи каталонского философа Хосепа Рамонеды: Josep Ramoneda, «De l'Etat social à l'Etat pénal», *El País*, Nov. 8, 2005; оно также встречается в работах Лоика Вакана.

26. В этом описании Мбембе, на мой взгляд, не достаточно учитывает другую традицию государства, которая восходит к вишистскому режиму и которая проявляется теперь в охоте на «детей нелегалов» даже в учебных заведениях. Но эти две традиции вполне могут сосуществовать друг с другом...

27. Критика Мбембе пересекается, но не совпадает, с критикой, предложенной «*Indigènes de la République*», рассматриваемой ниже.

скую культуру с ее окраин: *banlieues*, заморских территорий, бывших колоний, франкоязычного мира...»

Эти три примера показывают невозможность осмысления сочетания класса, расы и гендера в алхимии волнений во французском *banlieue* без преодоления эпистемологических ограничений чисто французской точки зрения, замкнутой в привычных границах «шестиугольника». Но точно также невозможно определить их сингулярность («насущность»), их причины, а также решения и последствия, не рассмотрев их социального и институционального своеобразия. Постколония преследует французскую ситуацию — во многом она является ее вытесненным, — но она не может служить единственным ключом, особенно в формах, которые определяются на основе иного исторического и языкового мира.

4. РЕЛИГИЯ

Тексты, только что рассмотренные мною (к которым, конечно, можно добавить и другие), делают акцент на определениях, вроде класса и расы, а также, в контрапункт, гендера, но обычно оставляют без внимания религиозный фактор или ставят его особняком. И, напротив, этот момент подчеркивается и даже объявляется главным в анализах, основанных на модели «столкновения цивилизаций». Правильно ли так поступать? И если мы должны учитывать это измерение, когда дело касается мотивов бунтарей или их репрезентации в общественном мнении или официальными лицами, то в каких терминах мы должны делать это? Не будем забывать, что одним из факторов, обостривших напряженность в первые дни волнений, было то, что силы правопорядка — сознательно, по словам одних, и по недоразумению, по словам других, — бросили гранату со слезоточивым газом к входу в мечеть;²⁸ или что в последующие дни представитель Национального совета по мусульманской вере, созванного французскими властями, которые строго контролировали его, но который сам также испытывал чувство ответственности перед общиной, представляемой им, принимая во внимание угрозу развития исламофобского расизма и последствий «войны с террором», не раз призывал к спокойствию²⁹...

Нам следует остерегаться редукционистской интерпретации «религиозного факта», которая делает из него простое *прикрытие* «реальных» социальных процессов, когда на самом деле он служит *составляющей* этих процессов, и соблазна «религиозного (или культуралистски-теологического) прочтения» текущих конфликтов, которое, в свою очередь, *скрывает* реальную динамику и проецирует их на заранее подготовленный идеологический мир. Религиозные прочтения склонны воспроизводить стереотип глобального противостояния между христианством (в частности, католицизмом), которое, несмот-

28. То есть к месту, используемому мусульманами для проповедей и молитв, так как в *banlieues* нет настоящих мечетей, потому что строительство обставлено целой системой различных препятствий.

29. 8 ноября 2005 года воззвание Национального совета по мусульманской вере было направлено в Национальное собрание, а затем в регионы.

ря на ее официальную секуляризацию, все еще служит основой господствующей французской культуры, и исламом, к которому принадлежали некоторые (но не все) юные поджигатели автомобилей в силу своего происхождения³⁰. Это быстро увязывается с еврейско-исламским антагонизмом в разговорах о существовании противоречий между еврейскими и мусульманскими общинами в некоторых французских *banlieues* и городах, периодически вызываемых событиями на Ближнем Востоке, и вопросом о сравнении французских волнения с событиями, которые одновременно потрясли Британию, явно поставив под вопрос ее «коммунитаристскую модель» организации межэтнических отношений в постколониальном пространстве (участие молодых британцев пакистанского происхождения в лондонских терактах июля 2005 года). Даже авторы, которые (подобно Мбембе) не делают религиозный вопрос основным ключом, говорят об *intifade banlieues* или «палестинизаций» волнений и их подавления. Таким образом, обращение к социологической реальности ислама и часто фантазматическая репрезентация его глобальной роли зачастую образуют сложный клубок, который необходимо распутать.

Если задаться вопросом, почему, вопреки декларациям и ожиданиям, открыто религиозный дискурс сыграл столь незначительную роль в событиях ноября 2005 года, если не принимать в расчет идеологов и представителей французских правых, то мы можем выделить два гетерогенных, но не радикально противоположных вида причин. Во-первых, слабость того, что называют «политическим исламом» во французском контексте, несмотря на периодически раздающиеся в связи с этим встревоженные или испуганные возгласы³¹. Эта слабость, в частности, означает, что для молодежи североафриканского происхождения (родители или родители родителей были «иммигрантами» из Алжира и Марокко) обращение к исламу служит, по сути, утверждением коллективной идентичности, считающейся дискриминируемой и стигматизируемой (отсюда постоянные разговоры о «недостаточном почтении» к их религии и провокационная роль эпизодов, вроде эпизода с гранатой в мечети). Это не имеет никакой политической функции и никакой необходимой связи с религиозной практикой (все, кажется, свидетельствует о том, что большинство молодежи мусульманского происхождения не религиозней остальной французской молодежи, и вообще коды массовой коммуникации и сценарии городского насилия, распространяемые телевидением, оказывают большее влияние на их дискурс и воображение, чем религия, как и в случае с остальными французами)³². Вторая

30. О развитии и ограничениях «неокоммунитарного ислама» среди молодежи иммигрантского происхождения см.: F. Khosrokhavar, *L'islam des jeunes*, Paris: Flammarion, 1998.

31. Конечно, существует множество видов «политического ислама», которые ни в коем случае не являются взаимозаменяемыми: умеренные и экстремистские, традиционалистские и модернистские, ассимиляционистские и сецессионистские. Этот беглый диагноз применим ко всем ним.

32. O. Roy, *The Failure of Political Islam*, Cambridge, MA: Harvard University Press, 1994 (1992); Bernard Dréano, «Notes sur l'Islam politique en France», *Réseaux citoyens*, Feb. 15, 2005, http://www.reseauxcitoyens-st-etienne.org/article.php?id_article=541.

причина состоит в том, что основной задачей религии и религиозной культуры — с точки зрения, которая полностью соответствует юридическим схемам французского атеизма и сталкивается с теми же трудностями — является организация в *частной сфере*. Именно поэтому ислам (как и католицизм в последнее время) проявляет особое внимание к семье и особенно межполовым отношениям. В ситуации пауперизации, дискриминации и кризиса идентичностей, связанных с работой, образованием и традиционной культурой, обращение к религии служит убежищем и заменой социального признания. Она выходит на передний план, когда конфликт между несовместимыми ценностями обостряется во время волнений или в требованиях признания, как в случае со спорами о хиджабе, или, на совершенно ином уровне серьезности, когда встает вопрос о сексуальном или клановом насилии над девочками. Тот факт, что в ноябре 2005 года религия оставалась на втором плане, служит важнейшим показателем *пределов политизации* движения и его *ориентации*: возобновления межобщинных, особенно еврейско-арабских, столкновений, к счастью, не произошло, но и сексистские стереотипы, к сожалению, также не были поставлены под сомнение.

С этой точки зрения религиозная дискриминация во французском контексте выглядит, по сути, как составляющая более общей *расовой* (или неорасовой) дискриминации, что вовсе не означает принижения ее значимости. Утверждение, что религия служит, в сущности, признаком расовой идентичности, отмечая ее миноритарный, нелегитимный характер с точки зрения господствующей культуры, что она позволяет подчинять людей механизму *внутреннего исключения*, не означает отрицания того, что она может играть важную роль в том, как участники конфликта идентифицируют себя и преподносят свои «идентичности» (и «идентичности» других). Но такое утверждение означает, что конфликт не является религиозным по своему происхождению или своим целям. И еще одно означает, что политическое отношение к религии, особенно действительное признание ислама второй (и, быть может, самой живой) религией в сегодняшней Франции, составляет фундаментальную демократическую и гражданскую задачу даже с точки зрения светского государства. Это позволит бороться с важнейшим аспектом институционального расизма и не допустить идеологизации социального конфликта, которая в настоящее время является незначительной, хотя ситуация вполне может измениться. Нельзя не отметить, что сознательно или нет часть дискурса интеллигенции развивается в ровно противоположном направлении.

5. РАСА И КЛАСС

Таким образом, мы возвращаемся к идее, что фундаментальным комплексом служит пересечение класса и расы, причем каждый из элементов понимается в самом широком и глубоком смысле, одновременно субъективном (форма идентификации себя и другого) и объективном (следствия социальных отношений и исторических условий). Волнения *banlieues* и форма, в которой они были подавлены, а позднее — в лучших административных традициях — «погре-

бены» под потоком заявлений и обещаний безо всяких гарантий, свидетельствуют о глубине тщательно подавляемого расового конфликта, лежащего в основе современного французского общества, и о развитии огромного классового неравенства в занятости, образовании, проживании и «праве на город» (по выражению Анри Лефевра, которое сегодня актуально как никогда). Хотя многие комментаторы и особенно представители государства хотят разделить эти две детерминанты³³, нам, напротив, нужно старательно избегать этого. Но можно ли ограничиться одним только замечанием, что дополнение этих двух факторов дискриминации, которые приводят к одновременному сочетанию стигмы иностранного происхождения (в качестве «иммигранта») и проживания в зонах деиндустриализации и «преимущественной безработицы» (10% по Франции в целом, 20% в *banlieues*, охваченных волнениями, и до 40% среди молодежи этих районов), порождает усиленное исключение, которое, в свою очередь, превращается в стигму и социальную язву в этом бесконечном раскручивании спирали? Возможно, нужно сделать еще один шаг и попытаться охарактеризовать сингулярное «место», которое возникает в результате этого двойного исключения класса и расы: крайне негативное место, которое делает тех, кто его занимает, вечно *перемещенными* (*лишенными места*) лицами, *внутренне исключенными* — «париями» не только в том смысле, который этот термин имел в своем изначальном контексте («каста» вне системы легитимных каст), но и в том, который он приобрел в современном западном обществе (благодаря таким теоретикам, как Макс Вебер, Ханна Арендт и Пьер Бурдьё): группы, которым отказано — в принципе или на деле — в праве иметь права (иметь их или пользоваться ими и, прежде всего, *притязать* на них)³⁴.

Совместное действие расы и класса покрывается административным термином «дискриминация» (который стал теперь официальным на государственном и международном уровне: ЕС разработал программы для «борьбы с дискриминацией», президент республики признал роль «дискриминации» в возникновении волнений и т. д.)³⁵ или косвенно отражается в эвфемизмах

33. Например, Жак Ширак: «Это вопрос кризиса идентичности» (а не социального кризиса), или Поль Тибо (бывший редактор *Esprit*): «Это вопрос социального кризиса» (а не кризиса идентичности)... Но и в том, и в другом случае речь идет о факте дискриминации и бунте, который он вызывает. Здесь мы имеем дело с прекрасной иллюстрацией двух соперничающих герменевтик событий ноября 2005 года, которые склонны разделять интерпретации (несмотря на попытки примирить или соединить их): классовым редукционизмом и расовым редукционизмом. Ни одна из этих герменевтик сама по себе не способна объяснить избыточность или аномалию событий по отношению к своим моделям или умозрительным построениям.

34. В этом, очевидно, состоит смысл работы Лоика Вакана, о которой шла речь выше, сочетающей результаты полевых исследований с развитием сравнительной теоретической модели отношений между маргинальностью и институтами во Франции и Соединенных Штатах (*banlieues* и гетто). Но мне кажется, что Вакан, который говорит о «смешанной логике» и «смешанных бунтах», склонен придавать классу первостепенное, а расе (или этничности) второстепенное значение.

35. См. сравнительное исследование под редакцией Кристофа Бертосси: *European Anti-Discrimination and the Politics of Citizenship: France and Britain*, Basingstoke: Palgrave, 2006.

(«кризис идентичности», «социальный раскол»), которые всегда обращаются к двум соперничающим герменевтикам. Но опыт молодежи из *banlieues*, который вызывает волнения и отчаяние, — это опыт сверхдетерминации, в которой одна стигма мешает им освободиться от другой, разрушая их индивидуальное и коллективное будущее. Негативное место, определяемое таким образом, становится также *публичным местом*, позволяющим париям заявить, пусть и в негативном ключе, о распаде социального порядка, результатом которого они являются. Я вернусь к этому в заключении.

Это повсеместное распространение негативного, того, что можно было бы назвать появлением *негативного сообщества* по образцу того, что Робер Кабель называет *негативным индивидуализмом* (и, конечно, эти два феномена коррелируют друг с другом)³⁶, не должно помешать нам в позитивном выделении современных черт состояния класса и аскрипции расы. На мой взгляд, с одной стороны, преобладает схема наследственности, а с другой — дезаффиляции (в том смысле, в каком этот термин употребляет Кабель) — отсюда глубокое противоречие, состояние, которое отрицает или уничтожает само себя.

Расовая аскрипция и вместе с ней все остальные стигмы цвета кожи, религии, культуры возвращаются в виде фиксации на семейных отношениях. Вспомним институциональную фобию, связанную с воссоединением семей, стигматизацию разрушенных семей, которые оставили детей на «государство» и потому нуждались в перевоспитании и даже наказании³⁷, и возвращение ориенталистского фантома многоженства³⁸. Она достигает своей наивысшей точки в конструировании жуткой с юридической и просто человеческой точки зрения социальной категории: *наследственный статус иммигранта* — «один раз иммигрант, всегда иммигрант», из поколения в поколение, независимо от наличия подданства. Отсюда и «чужаки в своей собственной стране», потому что у них нет (или больше нет) никакой другой³⁹.

Классовое положение, в свою очередь, больше не определяется положением в разделении труда, даже если серьезная антитеза между доходом от собственности и доходом от труда (хотя и скрываемая разрастанием категории наемных работников) или физического и умственного труда (хотя и видоизмененная вследствие всеобщего образования и компьютериза-

36. Robert Castel, *L'insécurité sociale. Qu'est-ce qu'être protégé?* Paris: Seuil, 2003.

37. Эта тема использовалась правыми и левыми политиками, особенно двумя основными кандидатами в президенты Николя Саркози и Сеголен Руаяль.

38. В своем выступлении на российском телевидении госпожа Элен Каррер д'Анкосс, постоянный секретарь Французской академии, сказала: «Все, к примеру, удивляются: почему африканские дети бегают по улице, а не ходят в школу? Почему их родители не могут купить квартиру? Ясно, почему: многие из африканцев — многоженцы. В их квартире — по три-четыре жены и 25 детей. Там настолько тесно, что это уже не квартира, а бог знает, что! Понятно, почему их дети все время слоняются на улице». *Libération*, Nov. 16, 2005. <http://www.inosmi.ru/print/223668.html>.

39. Эта конструкция и психологические последствия, создаваемые ею, подробно описываются в работе: Evelyne Ribert, *Liberté, égalité, carte d'identité. Les jeunes issus de l'immigration et l'appartenance nationale*, Paris: La Découverte, 2006, ch. 5, «D'éternels enfants d'immigrés».

ции) все еще имеет большое значение. Сегодня различие касается, прежде всего, сравнительно *защищенных* и *непостоянных* рабочих мест⁴⁰. Такое разделение по определению нестабильно, изменчиво и зависит от соотношения сил, одновременно глобального и локального, будучи объектом непрерывного и внешне необратимого *fuite en avant* (столь же необратимого, как и глобализация и сопутствующий ей «аутсорсинг»). Оно порождает новую жестокую форму конкуренции, *конкуренции между территориями*, причем как между континентальными или национальными пространствами, которые стремятся привлечь инвестиции налоговыми стимулами, ослаблением трудовых стандартов и свертыванием социальных прав, так и между городскими пространствами, которые рассматриваются как зоны развития, «резервации» и даже «свалки»⁴¹. В результате, некоторые *banlieues* кажутся словно специально созданными для *нового пролетариата*, находящегося в особенно незащищенном положении и сталкивающегося с выбором между работой без социальных гарантий и безработицей⁴². Заключение в «тюрьму» этнической генеалогии (прошлое господства), таким образом, сочетается с невозможностью покинуть место ссылки (для построения реального *будущего*). И это двойное переплетение поистине взрывоопасно.

Но здесь также возникает вопрос о политическом значении волнений, которые черпают свою энергию из отчаяния, сами разрушительные аспекты которого могут быть истолкованы как способ перехода в другое место, место представительства, признания и участия. Обозначают ли такие волнения (по крайней мере символически) крайний предел режима, который (во Франции) называет себя «Республикой» и преподносится как институт *par excellence общности граждан*, который теперь становится невозможным? И приводят ли они к появлению новой силы демократизации и, если да, то при каких условиях? Рассмотрим эти вопросы в два подхода.

6. НЕДОСТИЖИМОЕ РЕСПУБЛИКАНСКОЕ ГРАЖДАНСТВО

Здесь я еще раз обращусь к методу критического рассмотрения. Важное достоинство дискурса, развиваемого движением *«Indigènes de la République»* с момента его основания в январе 2005 года, заключается в том, что он поднимает вопрос о том, что позволяет «расе» реконституироваться и воспро-

40. Недавнее рассмотрение обоснованности этого противопоставления см.: Olivier Schwartz, «haut, bas, fragile. Entretien avec Annie Collovald», *Vacarme* 37, Fall 2006.

41. Jacques Donzelot, *Quand la ville se défait. Quelle politique face à la crise des banlieues*, Paris: Seuil, 2006; Cyprien Avenel, «Les émeutiers de la politique de la ville», *Mouvements* 44. Общий переход от капитализма к конкуренции между территориями описан в работе: Pierre-Noël Giraud, *L'inégalité du monde*, Paris: Folio-Gallimard, 1996.

42. В этом (терминологически и политически) я расхожусь с Лоиком Ваканом, который говорит о «депролетаризации», отождествляя «пролетариат» с организованным, если не институционализированным, *рабочим классом*. Я же, напротив, говорю о «репролетаризации», потому что изначальное использование этого термина у Маркса отличалось от «рабочего класса» и отсылало к *незащищенности* положения рабочего, беспомощного перед капиталом.

изводиться, не отменяя или не вызывая глубокого преобразования материальных условий и идеологических оснований ее первоначального конституирования, и о фундаментальной роли «республиканского» государства в этом воспроизводстве⁴³. Его присутствие можно не замечать или пренебрегать им только ценой глубокого лицемерия — и в этом состоит его главная ценность. Но в стремлении связать логику внутреннего исключения или «изгнания», на структурную необходимость которой оно указывает, с простым *повторением* колониальной формы в общественной формации современной Франции и, следовательно, в стремлении преодолеть ее с помощью метафорического возрождения антиколониального освободительного движения и сведения счетов Республики со своим прошлым, позволяющего ей прийти к «внутренней деколонизации» после «деколонизации внешней» (последний, самый сложный и опасный этап, без которого первый, в сущности, не имеет никакого смысла), содержится один серьезный недостаток. Этот второй аспект, который проявляется в дискурсе *Indigènes*, хотя и со своими оговорками и нюансами, на мой взгляд, препятствует строгому анализу. Нам нужно попытаться поставить его под сомнение, не ослабив при этом достоинств первого аспекта.

Необходимо отвергнуть проблематику, сосредоточенную исключительно на *иммиграции* (даже признавая, что это слово стало «именем расы», как это сделал я двадцать лет тому назад)⁴⁴, так как иммигрантское происхождение, в свою очередь, стало наследственной стигмой, вернувшись к структурному инварианту исторических расизмов. Это позволяет нам объяснить явное возрождение расистского дискурса (переходящего от биологического к культурному, религиозному и т. д.) и прочность *генеалогической схемы*, которая позволяет ему артикулироваться с сочетаниями класса, семейного сексизма и религий, преподносимыми в качестве важных межпоколенческих конструкций идентичности⁴⁵. Республика, конечно, ответственна за дискримина-

43. См.: Mouvement des Indigènes de la République, <http://www.indigenes-republique.org/>

44. См.: E. Balibar, «Sujets ou citoyens. Pour l'égalité», *Les Temps Modernes* (March-May 1984), переиздано в *Les frontières de la démocratie*, Paris: La Découverte, 1992; Этьен Балибар, Иммануил Валлерстайн. *Раса, нация, класс: двусмысленные идентичности*. М.: Логос, 2004.

45. Но с этого момента существует риск мимикрии: как только мы отмечаем идеологическое и институциональное сохранение этого абсурда — «иммигранты» рождаются во Франции от родителей, которые иногда сами бывают французами, — возникает соблазн поиска *изначальных* причин этого в «происхождении» — не в последствиях расистского дискурса (они всегда несут на себе стигму своего несмываемого происхождения: цвета кожи, обычаев, наклонностей, религии), а, напротив, в соответствии с поворотом, типичным для антирасистской традиции (их стигматизирует сохраняющийся образ «колониальной» системы, подчинявшей их отцов и предков). Но означающее «*Indigènes de la République*» выглядит не таким простым и его сложнее инструментализировать: оно также может быть парадоксальным образом понято в противоположном ключе как своего рода «перформативное обращение» колониального дискурса («туземцы» Французской Республики, плоть от плоти и кровь от крови самой Республики, — это как раз *мы*, не желающие признать

цию и насилие, вытекающее из нее. Не только потому, что это противоречит ее конституционному принципу, равный доступ всех «граждан» к образованию и улучшению социального положения, рабочим местам и профессиям, равное отношение государственных служб и т. д.⁴⁶, но и по более специфической политической причине. Во Франции, по крайней мере на протяжении двух столетий, Республика поддерживалась и воспроизводилась, иногда после длительного забвения, при помощи более или менее «революционного» обособления себя от других режимов, характеризующихся ограничениями, которые они накладывали на гражданство⁴⁷. Тем самым проводится четкая граница и задаются условия легитимности институтов, на которые также можно указывать при возникновении внутренних отклонений. Конечно, реальность никогда не отвечала этому принципу, и список «французских подданных», институционально лишенных гражданства (или *полного* гражданства) различными Республиками, весьма велик и простирается от женщин (до 1945 года) до туземцев колоний.

Именно поэтому важно *направление*, в котором происходит смещение границ гражданства, в сторону расширения или сужения, и как разрешаются противоречия, которые появляются с изменением отношений социальных сил, институциональных фактов и символических особенностей реального гражданства. С этой точки зрения, яростная критика *Indigènes* и их упорство на убийственных последствиях продолжительного подавления недавнего колониального прошлого французской нацией позволяют им привлечь внимание к противоположному способу, которым противоречие, возникающее из сочетания механизмов *натурализации* (французская Республика в принципе придерживается *jus soli*), *легального и нелегального труда* (который не прекращался на протяжении, по меньшей мере, двух столетий) и *транснационализации политического пространства* (которая принимает для нас сегодня форму строительства Европы), разрешается сегодня. Дело не только в том, что во Франции, как и во всех остальных европейских странах, создается «гражданство двух скоростей» с зоной исключения, отводимой для иностранной рабочей силы (даже если этот феномен можно сравнить с «апартеидом») ⁴⁸.

этого...). Эта парадоксальная интерпретация имеет важное достоинство, выдвигая на передний план вопрос об именовании и исключении в качестве «иностранцев» тех, кто является самым аутентичным продуктом нашей *собственной, национальной истории*.

46. Статья 2 Французской Конституции 1946 года гласит: «Франция является неделимой, светской, демократической, социальной Республикой. Она обеспечивает равенство перед законом всех граждан без различия происхождения, расы или религии...» О формах и практических последствиях этого вопиющего противоречия см.: v. De Rudder, C. Poiret, F. Vourc'h, *L'inégalité raciste. L'universalisme républicain à l'épreuve*, Paris: PUF, 2000.

47. И иногда в форме, которая отменяла уже обретенные гражданские права, как в случае с «денационализацией» евреев декретом, выпущенным вишистским режимом. О его продолжении в Алжире в форме отмены декрета Кремье см.: Benjamin Stora, *Les trois exils juifs d'Algérie*, Paris: Stock, 2006.

48. Étienne Balibar, *We, the People of Europe? Reflections on Transnational Citizenship*, Princeton: Princeton University Press, 2003.

Дело также в том, что одно и то же государство (и стоящее за ним национальное политическое «сообщество») *предоставляет и отзывает гражданство*, что оно включает определенных индивидов в политическое пространство — и даже заключает их в нем — и при этом запрещает им принимать участие в политической жизни⁴⁹. Некоторые даже проводят политическую аналогию (а не просто указывают на преемственность методов у администрации и репрессивных сил) с обособленным существованием в колониальных землях *двух видов жителей* с глубоко неравными правами. Но институциональные механизмы и политические последствия — это не одно и то же. Родимым пятном колонизации остается постоянная возможность отрицания гражданства, вернувшееся в волнениях *banlieues*, чтобы, подобно бумерангу, нанести удар по «Французской Республике», но это лишь одно из них. Именно поэтому мы должны настаивать на *двойной* детерминации класса и расы в феноменах исключения и на *пустоте принадлежности*, которую она создает. Колониальное (и *a fortiori* доколониальное) прошлое предыдущих поколений может служить символической точкой отсчета, даже орудием возмездия для национальной «чистой совести» Франции, но оно не способно предложить схемы или модели для построения современных политических идентичностей. История не повторяется.

Но без этих следов прошлого мы не сможем по-настоящему понять радикальность исключения молодежи «иммигрантского» происхождения и городских территорий, пределы которых вследствие административной политики и сложившихся отношений родства и взаимопомощи они не могут покинуть. Скорее, мы не сможем понять, что делает это исключение таким особенным и отличает его от других, в чем-то похожих форм исключения, которые переводятся на язык расы, вызывая тем самым антагонизм *среди самих исключенных*. Мало просто сказать, что существует симметрия между радикализацией молодежи из *banlieues* и дрейфом все большей части пауперизированного и незащищенного рабочего класса к расистской идеологии⁵⁰, как свидетельствует рост числа голосов, отданных за Национальный фронт в *banlieues*. На мой взгляд, нам нужно глубже рассмотреть два (явно

49. В ответ на такое описание могут возразить, что, по крайней мере для граждан, все гражданские права доступны. И небезынтересно, что после волнений среди молодежи из *banlieues* развернулась регистрация избирателей, инициированная комиком Жамелем Деббузом и рэппером *Joey Starr*. Но здесь есть свои ограничения из-за очевидного разрыва в глазах тех, кого это касается, между формальными правами и действительным политическим представительством, которым обладает в основном коренное население и которое делает из всех остальных «внутренних иностранцев».

50. Нередко самого имеющего «иммигрантское» происхождение, но в ином историческом контексте, для которого был характерен высокий уровень политической и профсоюзной организации рабочего класса. См. об этом: Stéphane Beaud and Michel Pialoux, *Violences urbaines, violence sociale. Genèse des nouvelles classes dangereuses*, Paris: Fayard, 2003. О голосовании за Национальный фронт на президентских выборах 2002 года см. комментарий Нонны Мейер: http://www.tns-sofres.com/etudes/dossiers/presi2002/itv_mayer.htm.

взаимосвязанных) аспекта кризиса демократии во французской общественно-политической формации: с одной стороны, постепенную замену шаткого политического представительства расовым фантазмом; а с другой — блокирование и потенциальное свертывание перехода к по-настоящему демократическому восстанию в отсутствие подлинного представительства. Нам нужно попытаться связать эти два момента, чтобы описать *становление политического* из волнений *banlieues* и прояснить его неясности.

Во Французской Республике в том виде, в каком она существует сегодня (благодаря ежедневному «республиканскому пакту», поддержанию которого способствуют наши практики), гражданство не только «несовершенно», как утверждают наиболее выдающиеся теоретики демократии и кризиса буржуазного национального государства,⁵¹ оно все менее достижимо: то есть в нем *отказывают* многим из тех, кто должен пользоваться им, чтобы оно заслуживало звания демократического гражданства, а для остальных оно сводится к формальному ограниченному статусу. В волнениях 2005 года, питаемых «недовольством» двойной системной дискриминацией расы и класса и, следовательно, местом, которое они задают, возникает соблазн увидеть возможность повторного открытия или возрождения гражданства в восстании: во вмешательстве плембса в дела города, на который они притязают, согласно теперь уже незаменимому выражению Жака Рансьера, «части тех, кто не имеет никакой части»⁵², и в перформативном заявлении, что нет «общества граждан» без минимального признания прав всех, начиная с права на существование и доступ к основным общественным благам. Но для этого мы должны увидеть в волнениях в *banlieues* не знак или *политический символ*, которым он служит для тех, кто наблюдает его внутри страны или из-за рубежа, а момент (пусть и хрупкий, неуверенный, обратимый) развертывания *политического процесса* (или, говоря философским языком, «политической субъективации»), связанный с сознанием и деятельностью тех, кто является его носителем⁵³. Проблема здесь состоит не в *насилии* как таковом; ибо даже если эта форма насилия внутренне не связана с волнениями граждан, когда их права отрицаются, так как они могут носить «ненасильствен-

51. Эта тема, хотя и по разным причинам, является общей для: Herman van Gunsteren, *A Theory of Citizenship: Organizing Plurality in Contemporary Democracies*, Boulder: Westview, 1998, для которого суть гражданства состоит в его «обретении» (гражданство в становлении) и Жака Рансьера, для которого демократия — это не «политический режим», а движение заявления о своих притязаниях и критики олигархий: Jacques Rancière, *Hatred of Democracy* (London & New York: Verso, 2007).

52. J. Rancière, *Disagreement: Politics and Philosophy*, Minneapolis: University of Minnesota Press, 1998.

53. Этот вопрос не только не чужд рассуждениям «*Indigènes de la République*», подход которых я критиковал как, на мой взгляд, однобокий; возможно, он играет немало важную роль в их мотивации. Лидеры старшего поколения (вроде Саида Буамама) — это ветераны «*Marche des beurs*» и «*Convergence 84*», которые более 20 лет тому назад пытались найти «алхимическую» формулу для превращения насилия по отношению к ним и своего собственного в средство завоевания прав и гражданства, во имя «равенства», на основе и при поддержке общественного мнения.

ный» характер, исторический опыт показывает, что оно зачастую необходимо для ослабления дискриминационной системы и преодоления слепоты и глухоты «добропорядочных граждан».

7. ПОЛИТИКА, АНТИПОЛИТИКА

Не раз говорилось, что насилие *cités*, ненадолго выплеснувшееся наружу в виде «пощечины», которую залепила французскому обществу и государству молодежь из числа представителей «меньшинств» (малообразованные подростки в основном из иммигрантских семей), и «в пределе» репрезентирующее *общее состояние*, в которое погружена их социальная, семейная и поколенческая среда, было *инфраполитическим* насилием⁵⁴. Но эта формула может означать две вещи: либо волнения *не достигают* (и не достигнут) уровня коллективного политического действия, потому что это не является их целью или потому что они «не имеют никаких целей», помимо выплескивания недовольства; либо волнения пока далеки от политического действия, отделены от него несколькими шагами, которые еще только предстоит совершить, и сами по себе они не содержат всех необходимых условий (сознания, идеологии, организации, тактики и стратегии и т.д.). В обоих случаях решающее значение имеют вопросы *нелегальности* и противостояния *репрессиям* (которые являются тесно взаимосвязанными, так как репрессии используют в качестве предлога нелегальность, черпают из нее свою легитимность и тем самым старательно поддерживают ее). Преемственность движения и его политическое становление зависят от его способности изменить смысл, придаваемый нелегальности доминирующей системой, и сопротивляться репрессиям (или обратить их последствия против тех, кто их осуществляет). Но в обоих случаях мы имеем абстрактную, опасно линейную схему, которая делает «политическое» простым преодолением или результатом «непосредственного» социального конфликта. На мой взгляд, имеет смысл усложнить эту схему, чтобы понять, как политика может осуществляться в форме своей противоположности — того, что я называю *антиполитикой*, — и тем самым появляться из самих условий своей *невозможности*, но также, конечно, оказываясь блокированной своими внутренними противоречиями.

Нужно ли нам отождествлять антиполитику с провалом представительства? И да, и нет: согласно традиционному буржуазному представлению о политике, образцовым воплощением которого служит либерализм (который во Франции всегда был «органическим» либерализмом, основанным на гегемонии интеллектуалов, экспертов и социальных институтов — того,

54. Это описание встречается даже у авторов, которые придают большое политическое значение волнениям в *banlieues* (и, при прочих равных, гетто) и которые считают их наиболее ярким свидетельством дилеммы капиталистического общества, подвергшегося нелиберальной «реструктуризации»: реструктуризации государства всеобщего благосостояния или триумфу карательного государства. См.: Wacquant, *Parias urbains*, 36.

что обычно называют «*les capacités*», — в тесной связи с государством), представительство служит функцией самой политической системы, которая *предлагает представителей* группам, образующим нацию, и в особенности «народным классам». Ситуация, в которой политический класс не только отказывается представлять интересы социальной группы, но и *отказывает* ей в праве быть представленной такой, какая она есть, и тем самым в принадлежности к легитимной «нации» (сообществу граждан), является предельной ситуацией, хотя и периодически повторяемой и в конечном итоге по-видимому, структурно необходимой для функционирования системы. Политический класс (правый или левый) не может «монополизировать» представительство (в том, что Альтюссер когда-то назвал «идеологическим аппаратом государства»), если все социальные противоречия считаются представимыми и требуют представительства. Но политическое представительство как процесс, *имеющий историю и „делающий“ историю*, обладает не только пассивным измерением, вменяемым «сверху» (олигархически, технократически, гегемонистски); оно также включает давление «снизу», которое нарушает предыдущие запреты и создает другие типы представителей (не обязательно парламентских — напротив, они, прежде всего, «бойцы», «органические интеллектуалы» всех профессий) или заставляет существующих представителей принять (но также попытаться освоить) речь и требования тех, кто находится «вне закона», в развитии открытой диалектики... При таких условиях ситуация во Франции (и *утрата легитимности* ее политической системы) характеризуется исчерпанием способности представительства и «выступления от имени» ее народных классов и ее исключенных (важной частью которых как раз и являются молодые безработные «иммигранты» из *banlieue*). Республиканская форма на самом деле все сильнее *лишает* представительства немалой части социальных реалий и конфликтов, которые она вмещает, — иными словами, происходит выхолащивание «гражданства». И именно для этого можно прибегнуть к термину «антиполитика».

Несомненно, для интерпретации такой ситуации нужно обратиться не только к «марксистской» схеме классово-борьбы, но также к схеме, которую мы можем назвать «гегельянской»⁵⁵. Изначально созданная *до* политической организации рабочего класса и институционализации конфликта в структуре национального социального государства⁵⁶, сегодня она парадоксальным образом вновь доказывает свою состоятельность *после* возникновения и развития их кризиса (который уже зашел очень далеко). Примечательно, что Гегель использовал два различных термина для выделения социальных групп и описания их взаимозависимости и конфликта. Наследник традиции, которая оставалась досовременной, он называл признанные

55. В том виде, в каком она была изложена в 1820 году в «Философии права», §243–244. Я признателен Бертрану Ожилви (Bertrand Ogilvie, «Violence et representation») за то, что он обратил мое внимание на необходимость этого «возвращения» к определенному Гегелю после Маркса.

56. Об этой категории см.: E. Balibar, *Droit de cité. Culture et politique en démocratie*, Paris: l’Aube, 1998 и Castel, *L’insécurité sociale*.

группы, включенные в государство посредством корпоративного или парламентского представительства, «сословиями» (*Stände*, подобно *États* при *Ancien Régime*), используя термин «классы» (*Klassen*) для внутренних/внешних или маргинальных групп, способных подорвать или разрушить систему — «чернь» (*Pöbel*), пауперизированная «промышленной революцией» и живущая на подачки, и, с другой стороны, финансовые капиталисты, богатство и транснациональная деятельность которых превосходят возможности государственного контроля. Сегодня эта терминология претерпела определенные изменения. Поскольку политическая система была заново открыта в XIX–XX веках путем «интеграции» классовой борьбы и особенно наделения революционных движений «трибунными функциями» внутри буржуазного государства, ограничив тем самым социальный конфликт, но не подавив его полностью (по-разному в зависимости от времени и соотношения сил), термин «класс» вместо этого стал означать категорию, включенную в экономико-политическую систему. Поэтому нам нужно найти другие термины для определения того, что избегает его представительных механизмов и даже угрожает их разрушить. В этом состоит одна из функций спорных категорий, вроде *низшего класса* в английском и *исключенных* во французском языках, всегда колеблющихся между воспроизводством стигматизаций, которыми они подвергаются («делинквентность», «опасность», «риск», «грубость»), и признанием феномена, который они отражают: тот факт, что *то, что превосходит представительство* — его остаток, — вновь появляется и занимает все более важное место, нарушая «политическое равновесие», создавая «пустоту» в нем или подвергая его «катастрофическим» мутациям (ярким историческим примером которых служит фашизм) из-за стремления реструктуризировать институты конфликта на более широкой основе.

И в этом состоит функция сверхдетерминированного «смешения» расового и классового исключения, о котором я говорил ранее: в создании и сохранении *внеположности новой черни* по отношению к «политике» — и это оказывается тем более действенным, что классовая дискриминация считается несуществующей (или все еще исправляемой исчерпавшими себя механизмами «государства всеобщего благосостояния»), а расовая дискриминация объявляется абсолютно нелегитимной (что позволяет отрицать ее существование или делать вид, что не замечаешь ее, когда она осуществляется в новых формах). Но еще интереснее отметить воссоздание в новой форме двойного исключения крайностей вне «политического»: тех, кто «слишком богат», и тех, кто «слишком беден», собственников и руководителей мультинационального капитализма, с одной стороны, и субпролетариата или низших классов незащищенных, иммигрантов и особенно молодежи — с другой. Разница между ними состоит в том, что первые обычно *отказываются* от представительства по своей воле, не имея интересов в «играх» национальной политики и принятии ее относительных ограничений («общее» налогообложение, образование и медицинское обслуживание, участие в определенном «социальном консенсусе»), будучи заинтересованными лишь в том, чтобы обеспечить опору «логики» глобального рынка на государство или с помо-

пью того или иного государства получить благоприятные условия эксплуатации и доступа к рабочим; тогда как вторые *лишаются* представительства, которое не позволяет их существованию и их притязаниям на права получить какое-либо, неизбежно конфликтное выражение, так как система и другие «классы», в том числе «народные», считают их неуправляемыми — даже бедняки, которых убеждают или которые сами приходят к мысли о том, что их защищенность возможна только за счет незащищенности других или что их членство в сообществе, их «идентичность» окажутся под угрозой в случае появления рядом с ними других сообществ и других идентичностей. Первые — материально и символически — *превосходят* различие между отечественным / иностранным (которое во французском обществе продолжает формально определять гражданство), тогда как последние вынуждено считаются *внутренними иностранцами*, представляющими угрозу или лишними.

И здесь мы вновь приходим к идее «пустоты», выраженной ранее в несколько ином ключе (*пустота* пространства *cit * как среды волнений, *пустота* институционального пространства, в котором происходит наложение классовых и расовых детерминаций), но на сей раз речь идет о *пустоте представительства в основе политического устройства* (включая в спровоцированной форме криминализацию, дисквалификацию, превентивную *эвакуацию*). Но эта пустота должна быть заполнена или, по крайней мере, вытеснена. И здесь на сцену выходит *другой тип политического представительства*, создаваемый, прежде всего, взаимодействием государственной политики правопорядка и образами, создаваемыми и распространяемыми средствами массовой информации (прежде всего, телевидением): парадоксальное представительство, конечно, само по себе является антиполитическим, поскольку его задача состоит в замещении реальных акторов (особенно в волнениях) фантазматическими акторами, которые сочетают черты патологии (наркотики, «неблагополучные» семьи, «неуправляемое» поведение в школе), преступности (сексуальное насилие, мелкие правонарушения) и культурную или этнорелигиозную инаковость, воплощая *чужеродное тело* в вообразимом сообществе.

На этой основе мы можем попытаться истолковать политическую амбивалентность значения и последствий волнений молодежи из *cit s*. Как я уже отметил вначале, вслед за многими другими, бунтари использовали *зрелищное* насилие. Кто-то может посчитать его просто вопросом пассивного, механического влияния средств массовой информации. Но также можно представить, что это влияние создало нечто вроде «пассивной организации» волнений, дистанционно придав этим волнениям характер движения, даже если их развитие целиком зависит от *средства*, которому возвращается его собственный образ⁵⁷. Таким образом, их насилие было отчасти реальным, следствием невыносимых условий и направленным против материальных мишеней (привычной для них среды, полиции, государства), а отчасти *медиати-*

57. В определенный момент тележурналисты задались вопросом о том, не способствуют ли образы ночных пожаров из их репортажей развитию волнений, и решились пусть и на ограниченную, но все же самоцензуру.

зированной, нацеленным на «воплощение» фантазма общества, «создание» того, что оно — и особенно государство — уже назвало их сущностью. Именно поэтому оно сочетало *нарциссическое* измерение (включая саморазрушительную форму, о которой уже говорилось ранее) с измерением, которое мы можем назвать *ироническим* в том смысле, что подлинная ирония, как отмечал Бодлер, всегда направлена одновременно на другого и на самого себя⁵⁸. Таким образом, оно смогло на какое-то время «поймать в ловушку» власть, которая спровоцировала его, запустив в своих собственных целях репрезентационную машину, которая, по ее мнению, полностью подчинилась ей — парадоксальным образом воссоздав политическую диалектику в элементе, который в наших обществах должен оставаться глубоко нейтрализованным. И эта «политическая» власть, чтобы положить этому конец, не могла ограничиться только репрессиями: в частности, она должна была произнести определенные слова («дискриминация» и даже «расизм»). Но в конечном итоге она подготовила контрнаступление на том же поле. Сегодня мы видим, как все тот же министр внутренних дел (ставший к тому же «официальным кандидатом» в президенты) использует телевидение для того, чтобы устраивать охоту на «нелегальных иммигрантов» или полицейские облавы на «укрытия» молодых преступников⁵⁹. И как знать, кто в конце концов выйдет победителем из этого соперничества?

Но схема пустоты позволяет нам также заложить основы более общей проблемы *становления* волнений *политическими* — подмывает даже сказать, в том смысле, в каком об этом говорилось ранее, *становления повстанческими*. Это проблема возможности или невозможности *коллективизации*. Под этим нужно понимать не только повторение или «заразительность» (которая вызвала ряд подобных волнений, наблюдавшихся нами в ноябре и относящихся к более широкому ряду волнений, имевших место за эти годы), но и *артикуляцию* с другими заявлениями о своих правах или выступлениями протеста против несправедливости, *гетерогенных* между собой и потому образующих виртуальное гражданство в рамках демократической структуры. На первый взгляд, практические следствия экзистенциальной, социальной и политической пустоты прямо противоположны; как ассоциация и коммуникация могут возникнуть из исключения и его двойника, «сецессии» или провокации? Повстанческое движение — будь то американское движение за гражданские права и «власть черных» в 1960–1970-х годах, студенческое движение 1968 года или движение *piqueteros* в Аргентине в 2000-х — отличается своей радикальностью и своей «трансверсальностью», своей способностью выражать или отражать другие восстания по-своему.

Радикальность волнений *banlieues* неразрывно связана с их способностью неприятия. Здесь отсутствие целей, проявляющееся в повторении грубости

58. Этой антитезой я обязан превосходной докторской диссертации Дженнифер Байорек о Марксе и Бодлере, которая, я надеюсь, вскоре будет опубликована.

59. Широко освещавшийся в СМИ арест подозреваемых в нападении на ночной патруль CRS в «Сите де Тартеретс» в Корбей-Эссон 25 сентября 2006 года.

и насилия, не было свидетельством несостоятельности, даже если в конечном итоге оно могло оказаться слабостью. Достаточно взглянуть, как университет, пресса и государство занимаются определением его, ограничением его, превращением его в важнейшую черту тех, кто принимает участие в волнениях, дабы помешать его распространению на остальное общество. Оно «возвращает» разрушительную пустоту, «неправовое» состояние, создаваемое для парий постиндустриального общества, «отправителям». Оно не ограничивается одним или несколькими языками и потому составляет интерпелляцию (вспомним *рэн*, о роли которого для идентичностей молодежи *сités*, вне связи с феноменом «банд», уже шла речь). Но эту радикальность очень трудно отделить от культуры изоляции и вызова *во всех направлениях*, еще одной формы «неприятия», как если бы волнения, а не «партизанская» или «гражданская война», означали „сецессию“ части молодежи, наиболее важным симптомом которой служили столкновения с полицией, явно отвечавшие целям последней. Конечно, эта изоляция носит отчасти фиктивный характер и остается весьма относительной: именно поэтому важно заметить, что в разгар бунтов семейные и даже институциональные солидарности (связи с объединениями — светскими или религиозными; контакт с «социальными работниками», за которыми стоят определенные государственные и муниципальные службы) не были полностью разрушены. На самом деле нельзя сказать, что молодежь *изолирована в cité*, выражая свое отчаяние в форме нелегальной деятельности или насилия; по крайней мере, такая изоляция не обходится без своей противоположности. И точно так же нельзя сказать, что *cité* полностью изолирован от города и общества, несмотря на возведение барьеров для их разделения⁶⁰. Поэтому с точки зрения отдельных судеб и политики многое будет зависеть от того, насколько они освоят (или нет) часть себя, то есть свою городскую «территорию» (с ее институтами, от которых, как отмечает Лоик Вакан, они неотделимы), против которой отчасти направлено их «возмущение».

«Начало» молодежных волнений в мире *banlieues* и вообще во французском обществе, какими бы неопределенными ни были их модальности, служит главным вызовом, который касается всех нас. Оно препятствует осуществлению *проекта правопорядка* или *сведения политики к полиции*, отстаиваемого силами оппозиции (Ле Пен) и частью самих власть имущих (Саркози), и — что еще более важно — составляет одну из тенденций развития капитализма и современного государственного управления. Этот проект нацелен на установление *перманентной* сегрегации социального пространства, особенно в наиболее конфликтных регионах, «опасных» групп, без четких границ, но выделяемых по расовым чертам и целому набору культурных, социальных и городских стигм в форме, которая сосредотачивает недоверие, враждебность и недовольство целой части населения, особенно народ-

60. Когда речь идет о Париже, часто замечают, что „*périphérique*“ [кольцевая дорога вокруг центра города] образует подлинный рубеж. См.: Serge Michel, «Au-delà du *périph'*, c'est l'Amérique», *Le Monde*, April 28, 2006.

ных классов — наиболее близких к ним в городском пространстве, а также по уровню жизни. Таким образом, он заранее оправдывает и поддерживает государственное насилие. В сузившемся круге *призывы к репрессиям* снизу — то, что Жиль Делез называл «микрофашизмом», — соответствуют *зрелищным или повседневному проявлениям* контроля и репрессий, которые, как мы знаем, не слишком меняют состояние общей незащищенности (если не усиливают его), ничего не говоря о его структурных причинах, но скрывая беспомощность правительства и отсутствие представительства при помощи зрелища, устраиваемого властью для того, чтобы создать у части зависимых и эксплуатируемых, живущих сегодня в особенно непростых условиях, иллюзию, что государство «защищает» их и «заботится» о них, преследуя и нанося удары по тем, кого можно назвать внутренними иностранцами⁶¹.

Нет никаких сомнений в том, что победить такой политический проект (широко разделяемый сегодня в разной степени и более или менее открыто господствующим классом и ставший «популярным» в общественном мнении) можно, только изолировав его, в свою очередь, в Городе, понятом на сей раз в широком конституционном смысле слова. Но для этого нужно мало-помалу перевести силу отрицания и насилия в «диалектику» конвергенции и взаимного признания всех видов сопротивления, которые подвергаются «расчленению» (*écartèlement*) в системе представительства и генерализованной социальной конкуренции⁶². С ноября 2005 года необычайная сложность такого перевода отмечалась уже не раз, в том числе под давлением социальных реалий⁶³, например, во время выступлений французских студентов против «договора первого найма», которые начались всего несколько месяцев спустя (в марте 2006 года) после волнений *banlieues*, а их политические коды отражали совершенно иные логики, унаследованные от профсоюзного движения или мая 1968 года и его отголосков в 1980–1990-х⁶⁴. Эта сложность вполне реальна. И необходимо признать наличие *противоречий в самом наро-*

61. Я анализировал этот процесс в своей работе: Balibar, *Droit de cité*, «L'impuissance du Tout-puissant», 109ff.

62. Я заимствую этот термин из работы: Olivier Schwartz, «haut, bas, fragile», которая, в свою очередь, заимствует его из: Louis Chauvel, *Le destin des générations*, Paris: PUF, 1998.

63. См.: Olivier Schwartz, «haut, bas, fragile»: «Многие склонны противопоставлять движение *banlieues* осени 2005 года, возникшего из ссылки и исключения, с одной стороны, и движение против „договора первого найма“, преподносимое как чисто движение среднего класса — с другой. Но в выступлениях против „договора первого найма“ вполне очевидно, что многие студенты не были выходцами из средних классов! Они происходили из „9–3“, как теперь говорят, или из „глубокого“ 91...; они были выходцами из „*banlieues*“...» (51).

64. Нам необходимо, прежде всего, настаивать на этом различии логик, политических процессов, а не на гетерогенности «социальной базы» и даже вовлеченном «населении», как это делают международная пресса и политический класс. В волнениях приняли участие не только малообразованные подростки, но и безработная молодежь, осознавшая бесполезность дипломов, ценность которых сводилась к нулю из-за дискриминации при приеме на работу. См.: Hugues Lagrange, «Autopsie d'une vague d'émeutes», in *Émeutes urbaines et protestations*.

де, раскрытию которых способствовали волнения — между молодыми и пожилыми, «незащищенными» и (сравнительно) «защищенными», «гражданами» и «иностранцами» (или лицами, приравненными к таковым) и, возможно, прежде всего, *юношами* и *девушками* среди молодежи, которые хотя и не образуют двух антагонистических «миров», но явно имеют различные культуры, связанные институтами и воображением действия — «изнутри» (в *cit *, в *banlieue*, во Франции «*d'en bas*») ⁶⁵. И нужно, чтобы все *опосредующие формы*, образующие «гражданское общество», которые предполагают активное гражданство (и включают команды социальных работников, а также объединения местных жителей, светские или частные), так же «изнутри» были мобилизованы и артикулированы на практике ⁶⁶. Очевидно, что у меня нет никакого рецепта, который в таких вопросах мог бы предложить человек со стороны. Я ограничиваюсь интерпретацией знаков, доходящих до нас, и пытаюсь превратить их в вопросы.

Перевод с английского Артема Смирнова

65. Мы можем полностью согласиться с точкой зрения, согласно которой (см.: Nacira Gu nif-Souilamas, «Le balcon fleuri des banlieues embras es», *Mouvements* 44: 31–35) антагонизм между юношами и девушками в *cit s* искажался и скрывался расистскими (преимущественно антиарабскими) стереотипами официального дискурса и многих интеллектуалов, особенно (как отмечает Рада Ивекевич) скрывая *общность* сексистских предрассудков во французском обществе путем систематического проецирования их на «другого». Из этого не следует, что насилие волнений не имело четко выраженного гендерного измерения, бесспорно, представляющего политическую проблему.

66. Я настаиваю на этом особенно деликатном моменте. Хотя волнения *banlieues* и не использовали религиозный дискурс, религиозно-культурные объединения, прежде всего мусульманские, играют и могут играть ведущую роль в воссоздании представительства и раскрытии противоречий коллективного опыта, рискуя при этом изменить свою собственную природу. Прежде чем начинать кричать об опасности «коммунитаризма», нужно сначала задаться вопросом, не вызван ли этот коммунитаризм остракизмом и при каких условиях возможно политическое преобразование коммунитаризма в «гражданский универсализм». То же справедливо и для другой стороны, например, когда дело касается движения «*Indig nes*», которое является однозначно светским.